

Несколько лет тому назад в Государственный Русский музей поступил архив художника К. А. Сомова. Из сохранившихся писем стали известны подробности той многолетней дружбы, которая связывала его с выдающимся русским композитором и пианистом Сергеем Васильевичем Рахманиновым. Эти письма, адресованные А. А. Сомовой-Михайловой, публикуются ниже в сокращенном виде. Публикацию подготовила Ю. Подкопцева.

МАЭСТРО ПРОДОЛЖАЕТ ИГРАТЬ

НЬЮ-ЙОРК.
6 декабря 1924 года.

В прошлое воскр[есенье] у нас в семье было собрание: концерт С. В. Рахманинова, было волнение, т. к. Елена! страшно дружна с ним и его семьей и все, что их касается, принимает близко к сердцу. Сергей Васильевич сам всегда очень волнуется, неуверен в себе, и все это передается и Елене.

Концерт состоялся блестяще, он играл с блеском и душою. Успех был громовой и бисов так много, что программа увеличилась вдвое.

Мы все ходили в артистическую его поздравлять, там была теснота, и к нему нельзя было почти подойти. Концерт был днем, и нас пригласили к ним обедать. Кроме нас был Александр Ил[ич] Зилоти, Метнер (теперь концертирующий по Америке с очень посредственным успехом) с женой и 2 пары из друзей Елены и Жени.

НЬЮ-ЙОРК.
21 декабря 1924 года.

Так мне не нравится теперь New York! Уж очень сложна и утомительна для меня жизнь здесь. Пишу портрет Ф. мучениями — медленно и неудачно, ты знаешь, как я всегда волнуюсь в таких работах... Начал по вечерам еще рисовать [Сергея] Васильевича, но для себя, а не по заказу. У него интересное лицо: позировать он может мне не часто и не подолгу...

НЬЮ-ЙОРК.
25 декабря 1924 года.

Сочельник мы провели очень приятно у [Сергея] Васильевича в самом тесном кругу. Вскоре после того, как мы туда пришли, нас ввели в столовую — в углу горела маленькая елка, — а на столе были разложены подарки, он был буквально завален ими. Было оживленно, много болтали и шутили, проектировали развлечения на 31 декабря, когда у Рахм[аниновых] будет большое собрание с ужином и шарадами.

Все это хорошо и весело, когда на душе беспечно и весело. У меня же кошки скребут на душе, хотя часто и внешне и весел и оживлен. Живу в

какой-то тревоге. Дела мои не блестящи — кроме портрета (дочери С. В. Рахманинова. — *Ред.*) никаких возможностей получить еще заработок. Портрет я пишу каждый день уже 3-ю неделю и пока им очень недоволен и сделал мало. С моей моделью, которая вообще довольно дикая и застенчивая, у меня теперь самые лучшие отношения, она ко мне привыкла, и мы иногда даже друг друга дразним, она очень милая и для 17-летней очень вдумчивая и глубокая девушка. Обожает Россию, мечтает о ней, не любит Америку, хотя получила здесь образование и говорит по-анг[лийски], как по-русски.

НЬЮ-ЙОРК.
29 декабря 1924 года.

Каждый день пишу портрет Татьяны Сергеевны, на этих днях начал писать лицо набело. Недоволен и мучаюсь. Портрет будет гораздо хуже Елениного, это уже теперь для меня ясно. По вечерам, раза три в неделю, рисую самого маэстро (С. В. Рахманинова. — *Ред.*) двумя карандашами.

НЬЮ-ЙОРК.
19 января 1925 года.

Что произошло за это время? Самое главное у меня событие — это то, что я закончил карандашный портрет [Сергея] Васильевича. Всем он страшно нравится. Елена находит его чуть ли не гениальным. Изображена одна голова, подпертая рукой, и немного обнаженной шеи, ни воротника, ни платья. Вышел он у меня грустным демоном — сходство внешнее не разительно, по моему, но все говорят, что я изобразил его душу. Сделав он в два тона и не в силу, а бледно-серебристо. Это не заказ, но м[ожет] б[ыть], что семья Рахманиновых его купит. Я назначил небольшую сумму, и все говорят, что с их стороны будет непорочно, если они его не купят. Сам маэстро после моего последнего сеанса уехал в турне на два с половиной месяца.

Когда я рисовал [Сергея] Васильевича, то всегда присутствовали при сеансе Женья и Елена, чтобы занимать его. Вечер кончался приятным, иногда веселым чаепитием с хересом и всяческой вкуснятиной. Разговор о музыке, интересные его (С. В. Рахманинова. — *Ред.*) воспоминания и др. темы. Если

Рахманинова (в замужестве Колюс) Татьяна Сергеевна (1907—1964) Портрет хранится в семье Рахманиновых.

бы ты знала, какой у них очаровательный дом — их собственный. И какая жалость — этот чудный совершенно новый дом будут ломать, чтобы построить на его месте небоскреб с бесконечными квартирами. Такой небольшой дом на этом месте мертвый капитал и целый квартал таких домов, смежных с их, идет на лом. Рахманиновы этот дом продают весной и сами собираются переселиться в Париж. [Сергей] Васильевич хочет отдохнуть от своего пианизма и заняться творчеством.

Пароход «New Amsterdam».
25 мая 1925 года.

Что-то принесет мне жизнь в Париже? Во всяком случае у меня там будет работа. В самые последние дни я получил от заведения Стейнвея⁴ заказ на идеальный портрет, не реалистический портрет [Сергея] Васильевича, который будет висеть у них в холле их нового еще не отстроенного помещения. Кроме того, этот портрет будет воспроизведен и в красках, и в черном в разных форматах для рекламных целей. Это мне, конечно, устроил [Сергей] Васильевич.

Пароход «New Amsterdam».
28 мая 1925 года.

Напишу тебе, как я задумал портрет [Сергея] Васильевича: он будет сидеть у меня в задумчивой позе, с головой, подпертой рукой, в другой руке потная бумага, как будто он сочиняет. Костюм домашний — м[ожет] б[ыть], даже халат, — фон радостный, весенний русский пейзаж, яркий; небо с радугой и цветущие вишни. У него есть музыкальная поэма «Весна», которую он сам любит, и этот фон будет как бы ее иллюстрировать. Заказчиком я рассказал эту тему, и они ее очень одобрили. Меня самого очень интересует эта задача. Все зависит от того, сколько сеансов даст мне [Сергей] Васильевич.

GRANDVILLIERS.
10 сентября 1925 года.

Уф, могу я сказать наконец! Вчера в 7 ч. вечера я кончил свою большую махину. Стоила она мне невероятного труда, в жизни я никогда не работал так интенсивно. 20 дней нигде не выходя из комнаты, с 8—9 ч. утра и до 7 ч. вечера я, стоя, корпел. Устал я ужасно. Надо было сделать ее до 12-го. Два дня она будет сохнуть, а 15-го я ее повезу в Orsay на показ. Выйдет там одобрение, все будет хорошо. Но я так истомился, что будь что будет, рад, что окончил. Заказали мне ее на таком условии: если ее sitter⁵ одобрит, то ее примут беспрекословно. Тема фона дана была мне вольной, и я ее выработал с [Сергеем] Васильевичем. Я ему предложил изобразить его на фоне весны, т. к. одна из его любимых композиций «Весна». Пейзаж с цветущими фрукт[овыми] деревьями, прошедшая гроза (конечно, две радуги, уж без этого мне нельзя), молодая береза, прудик, освещенный солнцем, ярко-зеленая трава. Сидит он в садовом кресле с листом нот в одной руке, другой он подпер себе лицо. Костюм, по его желанию, светлый, свежего цвета кофе о ле и белые брюки. Заказ этот для рекламных целей Стейнвея. Его, если примут, воспроизведут и в красках, и в черном виде для афиш, программ и журналов. Но, увы, цена вовсе не такая, о какой писали! Американцы очень прижимисты и так роскошно не награждают неизвестных художников.

ORSAY.
14 сентября 1925 года.

Вчера было испытание и кончилось очень благополучно. [Сергей] Васильевич и его семья были очень довольны работой. Он написал несколько лестных слов вместе с моим письмом в N. Y. Я счастлив и теперь могу хорошенько отдохнуть. Меня просят остаться здесь подольше.

Хотя у меня нет внутреннего убеждения, что я сделал хорошую вещь, напротив, считаю ее гадостью, все же ощущаю громадное облегчение и почти счастлив. Так уж верно, мне никогда не суждено радоваться и гордиться заправду. Главное — хлеб, теперь это все. [Сергей] Васильевич разучивает новые вещи. Сегодня превосходно играл попевскую сонату с восхитительным andante.

Стейнвей — владельцы фортепьянной фирмы в Америке.

Натурщик (англ.), т. е. С. В. Рахманинов.

GRANDVILLIERS.
2 октября 1925 года.

Бедный [Сергей] Васильевич, у которого уже год хроническая невралгия, очень мучительная, в глазу и висках, последнее время еще больше мучилась, Наталия Александровна⁶ думает, от жизни в сыром доме. Хочет его показывать всем знаменитостям — и русским, и иностранным, но он артачится и приводит ее, бедную женщину, в отчаяние. Многие находят, что ему надо сделать операцию, вынуть в лице какой-то нерв хирургическим способом. Это очень страшно, т. к. легко можно ошибиться и только повредить. Уже в Америке доктора вырвали ему 14 зубов совершенно даром, думая, что его болезнь от зубов. Это не помогло нисколько, и болезнь только прогрессирует. Он принужден постоянно прибегать к наркотическим средствам. Когда он страдает, а это почти непрерывно, не спит ночи, на нем лица нет. При этом ему нужно очень много работать ввиду предстоящего сезона. Нет полного счастья на земле — кажется, все у них есть — богатство, поклонение, страшная любовь всей семьи друг к другу, а здоровья у него нет. М[ожет] б[ыть], и некоторые его недостатки, нелюдимость и неприступность можно объяснить этим... Недавно в Corbeville был очень интересный вечер музыкальный... Вечер открылся смешной итальянской полькой, сыгранной в 4 руки Ната[лией] Александровной и [Сергеем] Васильевичем. Ната[лия] Александровна играла простые аккорды в басах, а [Сергей] Васильевич разделял виртуознейшим образом всевозможные перлы в дискантах. Когда все уехали, [Сергей] Васильевич, отказавшись играть при гостях, играл отрывки из Carmen... А под конец под его аккомпанемент дочери его спели дуэт «Уймись, волнения страсти!». Я подтягивал.

GRANDVILLIERS.
1 января 1926 года.

Ты спрашиваешь, какого я мнения о вещах [Сергея] Васильевича. Я его не считаю гением, он не Чайковский, не Мусоргский, не Римский, но у него много чувства и искренности... И романсы его некоторые я очень люблю. Грузинскую песню, Островок, Сирень, вокализу (вот бы тебе ее разучить!). Некоторые его фортепьянные вещи люблю — прелюдии и концерт, кажется 3-й, с оркестром. Я считаю очень несправедливым, что современные музыканты делают «фи».

ПАРИЖ.
14 мая 1929 года.

Были мы в субботу вечером у только что приехавших [Сергея] Васильевича и Наталии Александровны. Он после тяжелого сезона усталый, больной, измученный. Не понимаю, зачем так работать — чуть ли не 30—40 концертов, когда нет уже сил. Денег уже давно очень достаточно. Вероятно, эстрада затягивает и отказывается от нее, имея такой грандиозный успех, очень трудно.

CLAIREFONTAINE.
28 июля 1929 года.

Вот уже ровно неделя, как я отдыхаю от города, дышу чудесным воздухом, много ем — даже, кажется, брюшко стало пухнуть... Я был бы совсем доволен, если бы удачно работал. Но, ввы, это не так. Начал писать с натуры два этюда, один кончил уже и одинаково скверно! И это мне совершенно портит настроение.

Маэстро продолжает играть часа полтора по утрам — это приятный аккомпанемент для меня, — я в это время писал из окна моей комнаты этюды. Потом он около часа позирует сыну Фед[ора] Шаляпина, очень симпатичному молодому художнику. Портрет я не видел, его никому еще не показывали... Забыл еще сказать, что здесь меня снимали для домашней движущейся фотографии, так же как и Мефодия (М. Г. Лукьянов. — *Ред.*), это было недели три тому назад в одну из наших воскресных поездок. А теперь мне эти пластинки показывали. Очень было забавно увидеть себя на экране, и я себе не понравился: маленький старичок с серебряной головкой, довольно мизерный!..

Н. А. Рахманинова (урожд. Сатина), (1877—1952) — пианистка, жена С. В. Рахманинова.

Сестра К. А. Сомова — Анна Андреевна Сомова Михайлова (1873—1945) была профессиональной певицей.

¹ Сомова Елена Константиновна — жена Е. И. Сомова.

² Сомов Евгений Иванович (1881—1962) — секретарь и друг С. В. Рахманинова, дальний родственник художника Сомова.